
М. О. КОСВЕН

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ РОДА И ПЛЕМЕНИ

В недавнем времени среди советских специалистов по первобытной истории возник вопрос об историческом соотношении рода и племени, причем было высказано мнение, что род предшествовал племени и что существовала до племенная стадия.

Для того чтобы правильно подойти к данному вопросу и, быть может, найти правильное его решение, необходимо не брать и не решать этот вопрос отвлеченно, умозрительно, а прежде всего поместить его в те исторические рамки, к которым он относится.

Речь, следовательно, идет о том этапе первобытной истории, который знаменуется переходом от стада к родовому строю.

Что стадный период является начальным в истории человечества, в настоящее время в среде советских специалистов общепризнано, и говорить об этом здесь нет надобности. Было время, когда у нас делались попытки сконструировать особый период — промежуточный между стадом и родом — в виде «тотемической стадии» или «половозрастной коммуны». Но мы избавились от этих вымышленных конструкций, и сейчас тоже общепризнано, что первобытное человечество перешло от стада к роду непосредственно.

Вопрос о форме превращения стадного общества в родовое был поставлен уже давно и давно получил двойкий ответ. Согласно одному ответу, превращение это произошло в форме разделения стада на две части или половины, ставшие двумя родами, согласно другому ответу, — в форме соединения двух стад в один род. В настоящее время данный вопрос решен в согласии с первым из указанных ответов. Но каково бы ни было это решение, будь то хотя бы в соответствии со вторым ответом, — для нас достаточно констатации, что начальное стадное человеческое общество превращается непосредственно в родовое и по существу, и по форме, так что на смену ряду стад, из которых состоит раннее человеческое общество, возникает ряд родов, из которых состоит родовое общество.

Насколько мы можем судить о состоянии стадного человеческого общества на основе, в частности, некоторых данных археологии ранне-го палеолита, первобытные человеческие стада были изолированы и не связаны между собой какой-либо постоянной связью. С другой стороны, можно утверждать, что эти стада были эндогамны. Какой-либо другой общественной формы, помимо стада, меньшей, чем стадо, как и более широкой, чем стадо, не существовало. Таковы характерные и притом специфические черты стадного общества.

Спрашивается, каково было положение с переходом к родовому строю? С возникновением родов, в самой начальной фазе их существования, имела ли место какая-либо связь между родами или они оставались, — как прежде стада, — изолированными? Если такая связь существовала, то в чем она выражалась и как она соединяла связанные между собой роды? Наконец, не существовало ли в таком случае уже

тогда более широкой общественной формы, состоящей, очевидно, из родов?

Род представляет собой, в основе своей, хозяйственный коллектив, покоящийся на началах коллективной собственности и коллективного производства. С другой стороны, род представляет собой группу в известном смысле органическую, имеющую свойство размножаться. Отсюда,— из этой хозяйственной сущности рода и из его подверженности размножению,— вытекает как следствие, что при низком уровне развития производительных сил, уровне, не дающем места крупному хозяйственному коллективу, род, разрастаясь, должен неминуемо распадаться и разделяться или сегментировать на новые, дочерние, роды. «Каждая первоначальная семья,— писал Энгельс,— должна была распасться самое позднее через несколько поколений. Первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, которое без всяких исключений господствует вплоть до глубины средней ступени варварства, определяло максимальные размеры семейной общины, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные»¹. Это указание Энгельса, относящееся к семейной общине, с равным основанием, а, пожалуй, и тем более, действительно для раннего рода.

Стадо, будучи вообще непостоянным в своем составе и в своих размерах, тоже время от времени распадалось, однако так, что между его частями, образовывавшими отдельные стада, постоянной связи, в силу общего положения, как было сказано, не существовало. Но род — коллектив, качественно отличный от стада. Поэтому скорее надо считать, что между вышеупомянутыми дочерними родами сохранялась та или иная связь, причем в силу действия начала родства эта связь была постоянной и прочной.

Одно из глубоких качественных отличий рода от стада состоит в том, что, тогда как стадо эндогамно, род экзогамен, т. е. брак в пределах рода недопустим и возможен только в пределах другого рода или других родов. Таким образом, род, для того чтобы он существовал, должен обязательно быть в отношениях брачной связи с другим родом или другими родами. Надо считать совершенно бесспорным, что начальная форма экзогамии была экзогамией дуальной, т. е. два рода были связаны постоянными взаимнобрачными отношениями, так что один род был, как это отражено терминологией некоторых народностей, по отношению к другому роду «родом матерей», а другой — «родом отцов». Нельзя не признать, что между такими двумя родами не только должна была существовать и действительно существовала связь, но что эта связь была постоянной и тесной.

Вся нарисованная сейчас картина ранних междуродовых связей совершенно отчетливо представлена общеизвестным учением о структуре раннего родового общества, выражающейся в так называемой дуальной организации.

✓ Самая начальная, или первая, фаза этой организации имеет форму двух взаимнобрачующихся родов. Эти начальные два рода, размножившись, дают две фратрии, состоящие каждая из нескольких тесно связанных между собой родов, — фратриальную организацию, представляющую собой вторую раннюю фазу развития родового общества. Фигурально выражаясь, размножение начального рода дает вертикальную связь между родами, дуальная экзогамия — горизонтальную, а все в целом — дуально-фратриальную организацию родов.

Мы подошли вплотную к поставленному в начале нашей заметки, ставшему предметом дискуссии вопросу, на который мы можем теперь дать наш посильный ответ.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства изд. 1948 г., стр. 46.

Уже самая начальная структура родового общества представлена двумя прочно и тесно связанными между собой родами, составляющими в целом племя. Точно таким же образом, во второй ранней своей фазе, более сложная, фратриальная, структура родового общества дает прочное соединение двух фратрий, образующих единое племя, или родо-племенную организацию.

Таким образом, племя возникает одновременно с родом, вместе с возникновением, на смену стадному обществу, родового строя. Род не может существовать изолированно, без другого рода или других родов и без другой общественной формы, соединяющей отдельные роды, каковой и является племя. Предположение о «доплеменном» существовании изолированных родов противоречит всему, что мы знаем о раннеродовом обществе. Дopleмённой стадии не существовало, если не называть так эпоху стада, либо не постулировать вновь какую-то промежуточную, между эпохой стада и эпохой родового строя, стадию.

Как выражен весь интересующий нас вопрос у Энгельса? Ответ не может вызывать каких-либо сомнений или разногласий. Энгельс как раз является создателем разработанного им лично учения о раннем родовом строе, представляющем собой описанную сейчас дуальную (хотя Энгельс этого термина не употребляет) или фратриальную организацию. Для иллюстрации позиции Энгельса в разбираемом вопросе достаточно процитировать хотя бы следующее место. Указав на то, что у многих индейских племен существует деление на две фратрии, Энгельс пишет: «Более подробное исследование показывает, что эти фратрии большей частью представляют первоначальные роды, на которые сперва распалось племя; ибо при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать. По мере размножения племени каждый род, в свою очередь, распадался на два или более родов, которые теперь становились самостоятельными, тогда как первоначальный род, в который входят все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия»².

В предупреждение могущих быть сделанными в данной связи замечаний отметим, что учение Энгельса о ранней фазе родового строя несколько осложнено принятием, причем в весьма сильно измененном и крайне редуцированном виде, положения Моргана о системе двух (брачных) классов, со ссылкой на австралийский материал. Эта частности, однако, решительно ничего не меняет в позиции Энгельса по интересующему нас вопросу, поскольку эти «классы» фигурируют у Энгельса в свою очередь как тесно связанные взаимобрачием в одно племя³.

Некоторые защитники доплеменной стадии пытаются основать свое мнение на высказывании И. В. Сталина в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» о развитии языка «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»⁴. Ссылаясь на это высказывание, говорят, что здесь устанавливается предшествование рода племени. Мы не считаем такое понимание данного высказывания правильным. Речь здесь идет в действительности о языке: родовые языки предшествуют племенным и т. д., но здесь нет указания, что род существует без племени, до племени, предшествует племени.

Защитником доплеменной стадии выступил недавно С. П. Толстов⁵.

² Ф. Энгельс, Указ. соч., стр. 101.

³ См. Ф. Энгельс, Указ. соч., стр. 51.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 12.

⁵ См. С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», 1950, 4, стр. 16—17.

С. П. Толстов аргументирует здесь рядом указаний и ссылок. В предшествующем нашем изложении уже содержится противоположная оценка части этих ссылок, и дело сводится к тому, чтобы решить, чья аргументация убедительнее. Сделаем поэтому по поводу высказываний С. П. Толстова лишь следующие замечания.

Говоря о дуальной организации, С. П. Толстов пишет: «Ошибкой этнографов, занимавшихся этой проблемой (в частности, и моей ошибкой), является то, что «дуальная организация» с самого начала рассматривается как союз двух родов — как бы зачаток племени, а «брачно-классовая система» — как внутривременная форма регулирования брака». Если в этой формулировке уточнить некоторые частности, — например, что дуальная организация — не «союз» двух родов, а необходимое в силу дуальной экзогамии их соединение в одно единое целое, и не «зачаток племени», а подлинное, реальное племя, — то приходится сказать, что этнографы, занимавшиеся этой проблемой, в частности С. П. Толстов, в указанном отношении никакой ошибки не делали, и мы должны здесь выступить, в частности, на защиту С. П. Толстова против самого С. П. Толстова.

Опровергая указанное положение советских этнографов, в частности С. П. Толстова, С. П. Толстов пишет дальше: «Вся суть в том, что род первоначально — вовсе не часть племени, а в хозяйственном отношении самодовлеющий коллектив, связанный с другими коллективами взаимными брачными отношениями на основах экзогамии». Вот это — уже действительно ошибка. Нельзя и не следует себе представлять роды, даже в самом отдаленном прошлом, самодовлеющими и изолированными в хозяйственном, а следовательно и в общественном, отношении, — какими-то родами-робинзонами. Уже одна, в частности, признаваемая С. П. Толстовым связь рода с другими родами взаимными брачными отношениями имеет весьма немаловажное значение. Будучи действительно в известной мере самодовлеющим в хозяйственном отношении, род все же является частью племени.

Важное для нашей темы значение имеет общий вопрос о племени, в особенности в его раннем состоянии.

Совершенно очевидно, что племя, как и другие общественные формы, имеет свою историю, что племя в раннем состоянии и племя в позднюю эпоху истории родоплеменного общества — исторические категории, радикально различные. Племя переживает на протяжении всей своей истории в первобытную эпоху особый процесс консолидации, вплоть до того момента, когда под влиянием возникших классовых отношений оно распадается и сходит с исторической арены.

В начальную же эпоху племя находится в начальной стадии своего развития. Оно не вполне консолидировано, оно далеко не играет той роли, которую приобретает в дальнейшем, однако оно существует уже с самого начала и существует вполне реально. Материальной основой его существования и его единства является единая общая племенная территория, общая кормовая база данного племени, ограниченная от территорий других племен. Одна, и притом важнейшая, черта первоначальной неконсолидированности племени как раз гениальным образом указана И. В. Сталиным в вышеприведенном высказывании; эта неконсолидированность выражается, в частности, в том, что существуют отдельные родовые языки, но не образовалось еще общеплеменного языка, и процесс консолидации племени выражается, в частности, в образовании такого общеплеменного языка.

В своей вышеназванной работе С. П. Толстов, в видимой связи с защищаемым им положением о «доплеменной стадии», ссылается на австралийские племена. «На большей части территории Австралии, — пишет С. П. Толстов, — консолидировавшихся племен, четко ограниченных территориально, обладающих органами племенного управления, факти-

чески не существовало». Это не вполне правильно. В одной из наших старых работ⁶ мы охарактеризовали состояние племен у австралийцев. Мы указали здесь, что австралийские племена можно разделить на три группы, представляющие три фазы становления племени, причем становление это, или, как теперь мы предпочтем выразиться, консолидация, выражается, в частности, в создании и оформлении общеплеменного управления. При этом племена наиболее развитого типа (племена юго-востока Австралии) имеют высоко развитое общеплеменное управление в виде общеплеменного собрания и общеплеменного главаря, племена наименее развитого типа не имеют таких общеплеменных органов управления. Таким образом, мы в Австралии можем наблюдать упомянутый процесс консолидации племени, причем полностью и, так сказать, глубоко консолидировавшихся племен в Австралии, быть может, действительно и не существовало. Однако и племена наименее развитого типа, не имеющие видимых общеплеменных органов, все же не лишены племенного единства. Наконец, все племена, даже самые малоразвитые, имеют и имели свою четко ограниченную и определенную территорию, сохраняющуюся даже в условиях некоторой подвижности этих племен, и свое особое наименование. Во многих случаях территории отдельных племен не только четко отграничены, но и разделены особыми нейтральными полосами. Границы племени у австралийцев точно известны всем членам данного племени, как и их соседям. Нарушение чужих границ — тяжчайшее преступление, защита своих границ — первейший и священный долг каждого члена племени.

Итак, племя в Австралии везде и всегда существовало и было вполне реальным. Предположение о «доплеменной стадии» во всяком случае австралийским материалом не подтверждается.

Да позволено будет в заключение наших замечаний задать следующие вопросы. Какое теоретическое значение имеет выставленное предположение о «доплеменной стадии»? Если даже эта стадия будет доказана, то что это даст для понимания первобытно-общинного строя и его истории?

⁶ М. О. Косвен, Первобытная власть, «Революция права», 1929, 2.